

ВСЕ ИДЕТ НОРМАЛЬНО

Рассказ о летчике-космонавте А. Г. Николаеве

Спокойствие, хладнокровие – обязательные качества космонавта. «Все наши ребята, - пишет Герман Титов, - старались воспитать в себе это качество, но олицетворением этой черты космонавта, мне кажется, является натура моего дублера».

Когда в группе узнали о почти невероятной вынужденной посадке Андрияна (а уж летчики знают, что это такое!) его спрашивали:

- Как тебе удалось?

- Что же тебе помогло?

И он ответил совсем просто:

— Прежде всего — спокойствие.

«Темнит», — подумали товарищи. Но потом убедились в обратном.

На занятиях экзаменатор показал на схеме особенно ответственный агрегат:

— Что вы будете делать, если в космическом полете откажет вон эта система корабля?

— Прежде всего — спокойствие.

Кто-то из ребят даже фыркнул, экзаменатор был готов возмутиться, но последовал точный, четко аргументированный ответ.

— А если откажет это?

И снова:

— Прежде всего — спокойствие, — а затем ясный, обстоятельный доклад.

Это о нем писал Герман Титов:

«Возможно, что программа полета Космонавта Три будет более сложной, чем у Гагарина и у меня. А раз так, значит, потребуется больше сил, воли, знаний. Я вижу своих друзей космонавтов накануне новых стартов, неуклюже шагающих в оранжевых космических скафандрах к лифту стартовой площадки. Вот один из них. Наверное, он самый спокойный из нас. Я могу представить его в любом состоянии, кроме одного растерявшимся. Этот человек повел на вынужденную посадку реактивный самолет вдалеке от аэродрома. Только хладнокровие и

спокойствие спасли ему жизнь».

...Я пишу эти заметки торопливо, сижу у включенного приемника и, как люди всей земли, жадно слушаю каждую весточку о полете. Но мне особенно отратно оттого, что третий космонавт приходится земляком, что родился он и вырос на земле Чувашии.

Знаю я о нем немного. Но что знаю — хочу поведать.

Стояли на огороде три белоствольные березы. И когда Анна Алексеевна осенью копала здесь картофель, старшие сынишки помогали ей. И вдруг оба пропали.

— Ваня! — позвала она.

Тихо.

— Андрей! - так с детства звали в семье Андрияна.

Опять тишина.

Забеспокоилась, пошла посмотреть: может, на улицу убежали.

—А вот и не найдешь!

Откуда этот голос? Оглянулась. Никого. Подняла голову. Батюшки-светы! Андрейка забрался на самую верхотуру березы, покачивается на тоненьком стволе. А Ваня чуть ниже, спрятался в пожелтевших листьях!

- Слезайте, пострелята! Разобьетесь!..

Послушались, слезли.

- Мам, знаешь, как оттуда далеко видно, — восторгался младший. – До самого края земли.

До края земли... А самому шел тогда шестой годик... Это теперь он увидел всю Землю с космических высот, и она, должно быть, не кажется ему неохватной. Об этом он, конечно, расскажет сам, его рассказ облетит весь мир.

А мы пока вернемся в Шоршелы, к детству космонавта. Это село раскинулось на высокой живописной горе. Под ней текут прозрачные, студеные ключи, летом вдали виднеется узенькая, петляющая лента Цивиля, светлеют на лугах голубые озера.

Одно из них в пору андрияновского детства было богато окунями, ершами,

налимами. Сюда часто ходил Андриян с мальчишками-сверстниками. Замутят воду в прибрежной траве и черпают рыбку решетом или корзиной. На уху всегда, бывало, наберут.

Однажды парнишка вернулся домой зеленый, продрогший, в мокрых штанах и рубашке, босой. А на дворе стояла осень, вот-вот подойдут заморозки. Матери дома не было, она, доярка, дежурила на ферме. Тетка Лиза, отцовская сестра, испуганно всплеснула руками, забегала по избе. Потом догадалась уложить мальчонку в постель, накрыла чапаном. У соседей раздобыла четвертинку водки, растерла дрожащее тело и побежала за Анной Алексеевной.

— Я хотел, анне, что б ты ухи покушала, — сказал ей Андрейка.— А решето упало...

На озере он, закатав штаны, замутил воду, начал черпать ее решетом да поскользнулся, ухнул по самую макушку в ледяной омут. Кое-как выкарабкался, скорей побежал домой, даже новенькие лаптя и портянки забыл на берегу, схватил лишь пустое ведерко...

Ничего, обошлось благополучно, наутро в школу пошел, в первый класс.

А когда выпал снег, мальчишку после уроков не удержать было дома. Возьмет самодельные санки — и кататься с горы. А гора крутая, санки, подпрыгивая на ухабах, летят так, что дух захватывает. Красота! И ничуть не страшно.

С этой горы вместе со сверстниками-школьниками он запускал коробчатые змеи и самодельные самолеты, здесь однажды провели «ракетный» полет. Под руководством учителя физики Ивана Михайловича Романова ребята построили тележку с ракетным двигателем. Запалили смесь и, оставляя за собой длинный хвост огня и дыма, тележка побежала к обрыву, взлетела над пропастью и, описав дугу, грохнулась в овраг. Слово «ракета» тогда еще не входило в деревенский лексикон, и кто-то назвал тележку огненной стрекозой. Не могу сказать, что «огненная стрекоза» со временем привела Андрияна Григорьевича на космодром, открыла ему дорогу к звездам. Но сам этот факт весьма примечателен.

Ко многому стремилась душа пытливого мальчонки, не миновала она и авиации. В село иногда приезжал родственник Андрияна, авиационный техник.

Но в Шоршелах его упорно считали летчиком, фуражка-то была с «капустой». Техник занимательно рассказывал ребятам о полетах, парашютных прыжках, о том, как устроен самолет, и почему он летает. И, разумеется, слушали его с затаенным дыханием, жадно раскрывали рты.

Первый «живой» самолет Андриян увидел в восемь лет. Дядя, который работал техником в Чебоксарском аэроклубе, взял племянника с собой. Это было как раз в День Воздушного Флота, над аэродромом пролетали в строю, снижаясь до бреющего, самолеты: летчики показывали высший пилотаж. Все это произвело на мальчика сильное впечатление. Но опять не это привело его в авиацию. После семилетки Андриян, вслед за старшим братом, пошел учиться в лесной техникум. Потом работал в лесах Карелии. Вплотную, навсегда с авиацией встретился лишь, когда пришел на армейскую службу.

Много в жизни у каждого из нас бывает учителей, старших товарищей. Но тот, кто первым научил тебя читать по складам, считать на палочках до десяти, твоей неустойчивой детской рукой выводить буквы-каракули, тот навсегда вошел в твою память, в твое сердце. Такими бывают только первые учителя...

Первыми учителями Космонавта Три были Алексей Семенович и Клавдия Ивановна Семеновы. Это они ввели его в мир нового, неизведанного, направили по жизненному большаку.

Алексей Семенович, человек большой культуры и светлого ума, был заботливым, чутким воспитателем молодежи. Как и Клавдия Ивановна, он был не только хорошим педагогом, но и активным общественником, одним из организаторов колхоза. А Клавдия Ивановна близко дружила еще с матерью Андрияна. Анна Алексеевна была женделегаткой, помогала учительнице ликвидировать безграмотность в селе.

Клавдия Ивановна сейчас на пенсии. У старой сельской учительницы хранится снимок ударников и отличников учебы второго класса Шоршельской школы.

— Вот он, Андриян, второй справа во втором ряду. Хорошо учился парень, старательно.

В Мариинско-Посадском лесотехническом техникуме заботливо хранится светло-желтая папка — личное дело студента, а затем выпускника Андрияна Григорьевича Николаева. Открывается это дело копией диплома номер 263. «Предъявитель сего тов. Николаев Андриян Григорьевич в 1944 году поступил и в 1947 году окончил полный курс Мариинско-Посадского лесотехнического техникума Министерства лесной и бумажной промышленности РСФСР по специальности лесоводственной и решением государственной квалификационной комиссии от 3 октября 1947 года ему присвоена квалификация техника-лесоведа». Дальше идут подписи и сказано, что диплом выслан на станцию Деревянка Карельской республики, в леспромхоз, куда получил назначение на работу молодой специалист.

В этой папке немало документов. Тут свидетельство о рождении и табель успеваемости, заявление с просьбой допустить к приемным испытаниям и обходной лист, диктант и отчет о практике. А вот строки из биографии: «Я родился в средней крестьянской семье сентября 5 дня 1929 года. Наша деревня Шоршелы находится в 15 километрах от районного центра — города Мариинского Посада. С 8 лет я начал ходить в Шоршельскую неполную среднюю школу. Во время учения в школе участвовал в оборонных, хоровых кружках. Наша семья состоит в колхозе».

И все. Не правда ли, слишком скромно для будущего космонавта...

Прошло три года. И на Андрияна пишут первую в его жизни характеристику: «На практике в Чебоксарском лесхозе прошел в основном всю программу работ и показал себя грамотным, инициативным и знающим дело студентом. Хорошо разбирается в практических делах лесхоза. Порученные задания всегда выполнял добросовестно, честно и в срок. Организаторскими способностями обладает хорошо. Дисциплинирован, общителен с людьми».

Что ж, может быть, в этих внешне рядовых словах был заложен ключ к космонавтике!..

Или в старом чувашском селе Шоршелах два Григория Николаевича Николаева. Один имел хозяйство крепкое, содержал буфет, был мужиком прижимистым, умел поживиться за счет других. А второй, наоборот, бедняк,

ютился с семьей в маленькой приземистой избушке, два окошка выходили на улицу. Был он неграмотным, читать не умел, а вместо подписи ставил крестик на бумагах казенных. И случалось так, что при вручении повесток на налоги Николаевых подчас «путали». Богатей платил меньше, бедняк — наоборот. Возникали ссоры. Но где там ссориться неграмотному, забитому мужику с богатеем!..

Наконец, в сельском исполнительном комитете Николаевых пронумеровали. Зажиточный стал первым, «двухоконный» — вторым. Но «путаница» с налогами продолжалась. И тогда председатель, разозлившись, сгоряча сказал одному:

- Вот что. Надоело мне разбираться в ваших спорах. Поскольку ты бедный да пришибленный, как заяц, то и фамилию тебе дадим Зайцев. Никто не перепутает. Понял?

Ладно. Только налоги правильно присылайте.

И стал бедный Григорий Николаевич Зайцевым. Когда родился первый сын Иван, мальчонке тоже дали эту фамилию. А когда регистрировали Андрияна, один из родственников воспротивился:

— Какой-такой Зайцев? У него есть законная фамилия — Николаев.

И стал Андриян Николаевым.

Его сестренка Зинаида — по отцу — Григорьевой (теперь по мужу — Ильина), а младший брат Петр — снова Зайцевым. А когда понадобилось Анне Алексеевне получать паспорт, ей восстановили девичью фамилию — Алексеева.

Четыре фамилии в одной семье. Четыре фамилии, но семья дружная.

Старший сын — Иван Григорьевич Зайцев — живет в поселке Южном Кирского леспромхоза, что в Алатырском районе. Работает мастером леса.

Каждый, год, когда бывает в отпуске, Андриян навещает Ивана. Полюбив природу с детства, он с удовольствием отдыхает в лесу. Но какой это отдых! Уйдет с утра на лесосеку и валит лес до вечера вместе с рабочими. Или засядет на лужайке за учебники немецкого языка. Просидит несколько часов, а потом скажет жене Ивана, учительнице иностранного языка:

— Ну-ка, Елена, проверь, чему тут научился.

Не может отдыхать он пассивно, душа не такая.

Или вот когда приезжает в Шоршелы... Решили братья сообща построить новый дом, кирпичный. Так Андриян оказался заправским строителем.

Работать в деревне ему не привыкать. С малых лет приучен к труду. Бывало, в дни каникул и боронил, и снопы возил. За ним даже лошадь закрепили — Воргунь по кличке. Своенравный, капризный был этот конь, другие подойти побаивались. Только Андриян сумел его обуздать.

Знакомо Космонавту Три, кроме космического корабля, и другое. Анна Алексеевна, как говорилось выше, работала дояркой. Тогда в ее обязанности входила не только дойка, но и пастьба коров. И вот тут-то, на выгоне, ее обычно заменяли либо Иван, либо Андриян.

— Отдохни, мама. Я с книжкой и уроки приготовлю и за пестравками посмотрю.

В трудное время учились братья в техникуме — шла жестокая война. Паек строго нормирован, а в аудиториях и общежитии холодно, вода подчас замерзала. Братья спали на одной койке: так теплее. Иногда студентов направляли в заволжские леса — дрова заготавливать. А одежонка плохонькая, мороз пробирает до костей. Все спасение — в работе. Однажды, когда группа не выдержала, разбрелись ребята кто куда, Иван с Андрияном, не заметив этого, выполнили норму всей группы. Их отметили: выдали премию — отрез мануфактуры (рубашки-то поизносились)! А в первую же субботу, когда, как и обычно, пешком протопали пятнадцать километров до дома, вручили сверток:

— Это тебе, мама, подарок. Тут, может, и Зине на платъице хватит.

Растроганная мать нежно прижала к груди продрогших на стуже сыновей, повлажнели глаза:

— Родные вы мои... Трудно вам...

— Ничего, мама, мы учиться не бросим, мы уже взрослые...

Старшие заботились о матери, о младшей сестренке и братишке. Мать заботилась о всех...

Год назад в кабину корабля «Восток-2» сел молодой человек, пока никому не известный, – Герман Титов. Рядом с ним, в таком же космическом скафандре, стоял готовый к полету второй молодой человек. Его еще год после этого называли Космонавтом Три. Два обыкновенных земных парня, два близких друга, один русский — с Алтая, второй чуваш — с волжских берегов. Никому не известные, они на земле упорно и настойчиво готовили себя в путь к звездам. И сначала взлетел в космос один, потом — второй.

О полете Германа Титова сегодня мы знаем многое. Скоро нам поведают о космосе и Андриян Николаев.

Мне хочется привести малоизвестный нашему читателю рассказ Андрияна Григорьевича той поры, когда он еще назывался Космонавтом Три.

«Восток-2» летал в бездонном космосе. Там был Герман Титов. А на одном из земных аэродромов журналисты атаковали Космонавта Три.

— Все выглядело очень просто,— улыбаясь, рассказывал Андриян. — На космодром прибыли утром. Воздух тут чистый, пахнет душистыми травами.

Вдалеке мы увидели ракету. Она светилась между черными фермами и как будто ждала хозяина.

— Снова встретились. Старая знакомая, — улыбнулся Герман.

Я давно заметил: к кораблю и ракете он относится очень любовно, даже иногда разговаривает с ними. Близкие у них отношения. Сколько раз он встречался с кораблем, «обживал» кабину, «проигрывал» будущий полет! Герман часто говорит: «Мы сообща готовились к этому полету». Верно — сообща, всей группой. Но он-то больше всех, хлопотал, больше всех сидел в корабле и больше всех ездил по заводам, лабораториям, чтобы увязать различные неотложные дела. Он не знал усталости.

Еще не закончилась подготовка к полету — предстояло завершить ее на космодроме. Для того и приехали сюда пораньше, за несколько дней.

Разместили нас в домике, где накануне первого полета квартировали Гагарин и Титов. Его так и называли: «домик космонавтов». В комнате стояли две койки. Герман занял свою, прежнюю, а мне досталась «гагаринская». «Я уж привык к своей, — сказал он. — И ты обживай». Умылись с дороги, переоделись

в легкие гражданские костюмы — тенниски и брюки и сразу занялись своими делами.

Побывали мы и на корабле. Кто-то из техников, увидев Титова, с удивлением спросил соседа:

— Этот паренек и полетит?

Я посмотрел на Германа: в тенниске, заправленной в серые брюки, он, и верно, выглядел моложе своих лет.

Но вскоре все убедились, что Герман — парень серьезный. Он забросал инженеров и техников вопросами, придирчиво осмотрел каждую систему, привычно сел в кресло и начал, пожалуй, в десятый раз, «прорабатывать» полет. Люди увидели: хозяин сел на свое место. Они узнали, что Герман удостоен ордена Ленина за усовершенствования, которые внес в конструкцию корабля. Уважение к нему возросло.

Мы все время были вместе — и днем, и ночью. Точно братья. Если возникал какой-либо вопрос, советовались между собой. Не обходилось, конечно, и без споров. Но чаще всего мнения совпадали. Герман такой человек, если товарищ предложит что-либо дельное, он сразу ухватится за его нить, обрадуется, как находке, развивает по-своему. Смотришь, уже выросло что-то новое, непредвиденное, и вопрос решается неожиданно просто.

Целыми днями трудились. Придем в домик — тянет на кровать, Герман говорит: «Подожди спать. Почитаем сначала Пушкина». У него такая привычка — на сон грядущий читать какое-либо стихотворение великого поэта. Томик Пушкина он взял и на космодром. Начнет читать, увлечется и меня увлечет— пропадает сон. Надо признаться: Пушкина, хотя я и уважаю, но читал не так уж много. Больше интересовали книги Льва Толстого, Максима Горького. Герман приобщил меня и к волшебной пушкинской поэзии.

Накануне полета вечером я играл в шашки с врачом Евгением Анатольевичем. Герман лежал на кровати, о чем-то думал. «Взгрустнул о доме?» — спросил врач. «Да нет, все мысли у меня о полете, - ответил он. — Думаю: не забыл ли что-либо важное?». Мы не перебивали Титова, пусть собирается с мыслями. Ему ведь лететь...

Герман понимал: многое он должен сделать, увидеть в полете и привезти с собой. Полет—прежде всего большая работа. Именно к этому он и готовился. Об этом и думал. В последнюю ночь перед стартом спрашивал сам себя: «Все ли готово? Не забыл ли чего?».

Титов ничего не забыл, все учел. Да иначе и быть не могло. Такой уж порядок у нас, на космодроме, тут ничего не делается на авось, с ходу. Все отработано, взвешено, как на аптекарских весах.

Уснули мы, как потом определил врач, без предисловий: едва прикоснувшись головой к подушкам. Врач открыл настежь двери, чтобы не было душно. Говорят, Герман подложил руку под голову, я не видел, утром кто-то легонько потрогал меня за щеку. Открыл глаза — рядом стоит Евгений Анатольевич. «Проспите полет,— улыбается он.— Утро-то, смотрите, какое...».

Утро, и верно, было удивительное — солнечное, тихое, ласковое.

Как и обычно, вдвоем проделали гимнастику, позавтракали. Нас осмотрели врачи. Через час вышли из домика. На пороге остановились, как бы попрощались с нашим временным жильем. Попрощались до следующего полета.

Вместе надели скафандры, сели в специальный автобус, поехали к стартовой площадке. Ехали молча: все уже, кажется, переговорили накануне. Дорога свернула вправо, мы увидели светлую ракету. Автобус остановился, мы шагнули на землю. Герман обернулся ко мне:

«Ну, дорогой друг, я пойду. Будь здоров». Это его любимое выражение: «будь здоров». Мы неуклюже! обнялись и оба рассмеялись: непривычно обниматься в скафандрах. Уж так повелось: космонавты чокаются скафандрами. Это вошло у нас в традицию. В звоне металла, кажется, слышится напутствие в дорогу. Я что-то душевное сказал! Герману — не помню, что именно, очень волновался. Да он, видно, и не очень меня слушал. Пожалуй, ярче слов выражали чувства наши лица, глаза.

Подъехал автобус, из него высыпали наши ребята-космонавты. Все встали полукругом, поджидая Титова, Герман увидел их, замахал рукой и побежал. Кто-то крикнул: «Не бегай! Ты же в скафандре!» Герман уже поравнялся с ребятами, обнял каждого из них. Все ему желали одно: «Счастливой дороги!».

А потом, встав на железную лесенку площадки, Титов произнес речь, которая разнеслась по всему миру.

На прощанье Герман встретился взглядом с ребятами, улыбнулся, по-мальчишески подмигнул; мол, не беспокойтесь, все будет хорошо.

Когда «Восток-2» выходил на орбиту, когда он делал один за другим витки вокруг Земли, друзья-космонавты неотрывно следили за полетом товарища, воодушевляли, подбадривали его. Титов ушел в космос капитаном, но московское радио передало, что он уже майор.

— Все ребята сердечно поздравляют тебя с новым званием, — крикнул Андриян Николаев в микрофон на командном пункте. — Беспокоимся о тебе. Как самочувствие?

— Спасибо, друзья, — бодро донеслось из космоса. — Не беспокойтесь. Самочувствие прекрасное!

И, конечно же, как только Титов приземлился, Космонавт Три помчался к нему. Встретились они в райкоме партии, кинулись друг к другу, обнялись теперь по, настоящему, без скафандров.

Отсюда, из райкома, Космонавт Два доложил по телефону Никите Сергеевичу Хрущеву о выполнении задания партии и правительства.

Улетая из районного центра, Титов передал Николаеву кассеты от киноаппарата «Конвас». В самолете они присели рядом. Разговорились. Космонавта Три, разумеется, интересовали и перегрузки, и состояние невесомости, и многое другое. И Титов обо всем охотно рассказывал. А потом он попал во власть врачей, ему приказали спать.

Прилетели на место. Герман и Андриян пошли в душ, по-солдатски, до красноты, потеряли друг другу спины. А вечером три космонавта уже говорили о деле.

Вскоре после этого Андриян заехал на побывку в Шоршелы. Несколько дней пробыл у родных, встретился с друзьями детства и юности, погостил в Чебоксарах.

А потом от него стали приходиться письма.

«Учеба пока идет нормально. Иного времени уходит на подготовку к

занятиям».

«В общем, у меня пока все по-старому, изменений никаких нет».

«Жизнь идет нормально».

«Других новостей нет, все идет нормально».

Теперь мы знаем, как готовятся космонавты к полетам, как проходят их тренировки. Об этом немало написано. Говорилось и такое.

Космонавт Три, одетый в скафандр, легко взбирается по лесенке вверх. Вот он уже в кабине космического корабля. Космонавт по-хозяйски осматривается, подключает вентиляцию скафандра, налаживает радиосвязь и приступает к детальной проверке аппаратуры.

Космонавт нажимает кнопку радиосвязи и докладывает:

— Земля... Земля... Я — Восток. Проверку оборудования закончил. Все системы работают нормально.

Уверенный, спокойный голос звучит в динамике, установленном на пульте управления. Руководитель тренировки сидит в смежной комнате. Перед ним — сложнейшее оборудование, позволяющее наблюдать за каждым движением космонавта, ставить его в самые разнообразные условия, которые могут возникнуть в космическом полете.

Из кабины корабля доносится по радио:

— Самочувствие отличное. К старту готов.

— Я — Земля. Вас понял. Приготовиться к старту. Внимание! Старт!

Мощный гул, имитирующий отрыв корабля от стартовой площадки, врывается в помещение. Космонавт докладывает о ходе выведения корабля на орбиту, о своем самочувствии, о том, что он видит через иллюминатор.

Вдруг шум оборвался, наступила тишина. Теперь явственно слышится щелканье реле и равномерное гудение трансформаторов счетно-решающей машины, программирующей «космический полет».

Во мраке ночного неба видны необычно яркие звезды, медленно проплывающие перед иллюминатором. Космонавт четко выполняет все работы, предусмотренные заданием, ведет подробные записи в бортовом журнале. Стрелки часов совершают свой оборот по циферблату. Иллюзия настоящего

космического полета подавляет чувство времени.

Вот уже космический корабль «пролетает» над южной оконечностью американского континента. Кабина внутри озарена искусственным светом: корабль находится в тени Земли. Космонавт производит самонаблюдение. Через некоторое время в бортжурнале появляются записи: «Пульс — 68 ударов, дыхание — 16...». Внезапно кабину снаружи заливают яркими солнечными лучами.

— Земля. Я — Восток. В 12 часов 15 минут 10 секунд вышел из тени Земли. Как поняли меня? Прием.

Руководитель тренировки запрашивает о местонахождении корабля. Космонавт быстро определяет координаты и сообщает их на Землю.

— Земля, Земля... Я — Восток. Разрешите производить ручную ориентацию.

— Восток... Я — Земля. Ручную ориентацию разрешаю.

И корабль медленно начинает разворачиваться иллюминатором в сторону нашей родной планеты. Ее еще не видно, пока что перед иллюминатором проплывают только звезды. Но вот краешек иллюминатора засветился немного ярче, звезды начинают блекнуть, и взору открывается край Земли. Она постепенно «заполняет» весь иллюминатор. Секунда, другая — и космонавт докладывает:

— Ручную ориентацию закончил. Корабль сориентирован.

Одно за другим в строгой последовательности выполняет космонавт все, что предусмотрено этим необычным полетом. Руководитель тренировки создает одну за другой аварийные ситуации. Некоторые из них требуют от космонавта чрезвычайно точных и быстрых мер. Однако космонавт не теряется, немедленно реагирует на каждую вводную.

Совершается последний виток вокруг Земли. Начинается подготовка к спуску. Космонавт надежно закрепляет все съемные инструменты. Включен тормозной двигатель. Снова нарастающий шум перекрывает доклад космонавта.

Двигатель умолк. Производятся последние приготовления перед приземлением.

Полет окончен. Возбужденный, улыбающийся Космонавт Три покидает кабину корабля, с помощью друзей освобождается от скафандра слышатся смех, шутки. Космонавт подходит к руководителю тренировок и докладывает:

— Товарищ инструктор, космонавт... задание выполнил.

Или еще пример.

Космонавт Три входит в так называемое «вращающееся колесо». Толчок— колесо пришло в движение. Оно вращается сначала не спеша, но темп нарастает. Уже голова кружится от одного только мелькающего синего круга. Невозможно рассмотреть лицо, руки, глаза космонавта. Перед нами — бешено крутящийся диск, внутри которого находится человек.

Колесо остановилось. Космонавта освобождают от ремней. Он выпрыгивает из круглой металлической конструкции. Кажется, он должен сейчас пошатнуться от чрезмерного напряжения, от всей этой стремительной «вертушки». А он смеется. Сверкают его веселые глаза. Вскинуты в крутом изломе густые брови. Веселые морщинки пробежали к углам губ. Сделав разминку, космонавт уже бежит к спортивным брускам.

А вот, одевшись в скафандры, звездолетчики ложатся на пухлые маты в «бассейне невесомости». Так назван салон на специальном реактивном самолете. В какое-то мгновение, утратив свой вес, они отрываются от пола.

Космонавт Четыре, раскинув руки, плывет от двери до двери, шлепается спиной о потолок, перелетает в зарешеченным иллюминаторам и снова ударяется о дверь. Космонавт Три достает флягу, открывает ее, и воздух заполняется множеством серебристых шариков — вода утратила свое обычное состояние и в невесомости «скаталась» в шарики.

И все это и еще многое другое у Андрияна называется просто: «Все идет нормально».

Стуриков, Н. Все идет нормально : рассказ о летчике-космонавте А. Г. Николаеве / Н. Стуриков // Советская Чувашия. – 1962. – 12-13, 15, 21 авг.